

ИСТОРИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО И ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 371.217.3

DOI 10.25688/2076-9121.2019.49.3.10

А.В. Кудряшёв

Летние лагеря 1960-х – начала 1980-х гг.: в поисках свободы и романтики¹

В статье анализируются сведения о регламентированных сторонах жизни летнего лагеря (режим дня, линейка, хождение строем) и неформальной детской и подростковой субкультуре. Основной источник информации — публикации в советской детской прессе и периодических изданиях педагогической направленности конца 1950-х – начала 1980-х гг.

Ключевые слова: СССР; летние лагеря; романтика; свобода; режим дня; туризм; периодические издания.

В детской и педагогической печати СССР можно найти ценные свидетельства, позволяющие реконструировать повседневность советских детей и подростков. В публикациях описываются механизмы ранней социализации в советском социально-культурном пространстве. Но детские и педагогические издания не просто констатировали, описывали те или иные явления детской, подростковой жизни, но и пытались анализировать причины детского поведения, предлагая способы его возможной коррекции. Это относится, прежде всего, к шалостям.

Мы поддерживаем предложенное Б.В. Куприяновым определение шалости как поступка, включающего нарушение установленных правил, комфорта других лиц, провокацию с целью испытать яркие эмоциональные переживания (позабавиться, посмеяться над другими). Необходимо согласиться и с мыслью Б.В. Куприянова о том, что сам уклад школьной жизни зачастую враждебен детским шалостям, (особенно это было характерно для дореволюционной гимназии, советской школы конца 1940-х – начала 1950-х гг.) [12]. Но в иных, менее регламентированных пространствах детской жизни не все так очевидно. Речь может идти об уличном пространстве социализации детей

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-013-00890а.

и подростков [11]. Однако главной территорией, традиционно противоположной городской, школьной, воспринимался летний лагерь (повседневную жизнь которого подробнейшим образом рассматривает Б.В. Куприянов). Особенностью летнего пионерского лагеря было то, что советские подростки воспринимали пребывание в нем как возможность свободы, произвольности; отрыв от привычной обстановки ограничений поведения, установленных в школе и в семье; возможность экспериментирования в поведении. Дети не любили и не любят режим, тихий час и ранний отбой. Они понимают, что режим дня — основа организации всей жизни в лагере, но считают, что он должен быть гибким. Формальные ритуалы, которые создаются взрослыми организаторами, дополняются неформальными, которые придумываются участниками лагерных смен и передаются из поколения в поколение. Это рассказывание страшных историй, ночные вылазки с зубной пастой, исполнение песен из разряда особого детского и подросткового фольклора, а также все то, что связано с общением с противоположным полом, — дискотеки, гуляния и т. п. [1, с. 94–95].

Этот пласт ритуалов как раз и создает особый «невзрослый мир», ради которого все новые и новые поколения детей стремятся расстаться с родителями на все дни смены. Для летнего лагеря очень важны неформальные ритуалы, связанные с дружбой и романтическими отношениями.

Однако, анализируя детскую повседневность, необходимо учитывать и исторические этапы развития нашей страны.

В октябре 1957 г. Совет министров СССР принял постановление «О мерах улучшения работы среди детей вне школы и предупреждения детской безнадзорности». Многопрофильная деятельность внешкольных учреждений должна была создавать благоприятные возможности для организации свободного времени учащихся [5, с. 193–194].

Однако социокультурные изменения обычно не совпадают с политической динамикой. Одной из причин этого является культурная инерция, которая неизбежно приводит к конфликту между новой ситуацией и прежними способами ее определения. В повседневности советской воспитательной системы конца 1950-х гг., значимой частью которой были пионерские лагеря, можно обнаружить не только процесс реформирования, но и определенную инерцию сталинской эпохи. Педагоги вынуждены были озвучивать, подвергать рефлексии свои представления о пионерской жизни, о воспитанниках и коллегах, о нормах работы с детьми и подростками.

Важный атрибут жизни в пионерском лагере — это перемещение отряда по территории лагеря строем, сопровождавшееся песнями или речовками. Строем ходили в столовую, на линейку, на экскурсии. В строю заметнее любые отличия, поэтому строй воспитывал у детей того времени привычку отождествлять себя с коллективом, единым организмом, где нельзя отличаться и выделяться. Хождение по лагерю строем сохранилось и в позднесоветском лагере. На все мероприятия дети собирались, строились и шли всем отрядом [2, с. 57].

Однако в конце 1950-х наметился отход от излишней, даже по тогдашним представлениям, военизации детской жизни. В печати начинаются дискуссии о том, надо ли ходить строем в лагере, как организовать купание, и о других основополагающих принципах режима пионерского лагеря. В статье «Давайте подумаем» (1959), опубликованной в журнале «Вожатый», главном методическом издании для пионерских работников, ссылаясь на авторитет А.С. Макаренко, предлагали сократить применение строя в быту летнего лагеря: «Зачем вести строем отряд в столовую? Настоящего строя все равно не получается, обычно идут в столовую не выдерживая равнения, не в ногу. Пионеры привкают к такому разболтанному строю (ведь в столовую ходят четыре раза в день!), и уже в походе, на марше, на параде, когда строй действительно необходим, когда он организует, украшает коллектив, ребята считают, что всем не обязательно выдерживать четкие, стройные ряды, шагать так, как положено». Но тут же делается оговорка: «Важно только, чтобы с первого дня каждый знал свое постоянное место. Поначалу, конечно, часть пионеров будет опаздывать, “тянуться” в столовую, но немало есть средств, чтобы свести эти опоздания на нет» [7, с. 27].

Секретарь Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов (ВЦСПС) Т.Н. Николаева, курировавшая сферу летнего отдыха, настоятельно рекомендовала: «Комсомольцы должны строго контролировать порядки, обязательные для лагерей. Надо помнить, друзья, что родители доверяют нам самое для них дорогое — жизнь своих детей, их здоровье. Нельзя позволять себе ни малейшей беспечности, когда речь идет о здоровье ребят» [18, с. 1].

Художественным символом диалектических противоречий пионерского отдыха стал фильм «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен» (1964). Некоторые кинокритики заметили в нем важные мотивы, особенно близкие современникам авторов фильма. Так, в рецензии, опубликованной в журнале «Семья и школа», отмечается, что фигура начальника лагеря Дынина не столь безобидна, что нельзя относиться к этому персонажу только юмористически: «Через весь фильм проходит стук таинственных сандалет, которые за всеми следят и обо всем рассказывают начальнику лагеря. Дынин в сильных ребятах “воспитывает” чувство искреннего и непосредственно выраженного протеста, а в слабых сеет семена подлости и лицемерия. Эти люди напоминают нам времена недавние, безвозвратно ушедшие в прошлое. “Товарищ” Дынин — порождение того времени» [19, с. 47].

Альтернативой авторитарной, командно-бюрократической системе воспитания стала коммунарская методика, разработанная И.П. Ивановым и его единомышленниками. Она была апробирована в Коммуне юных фрунзенцев — сводной пионерской дружине при Доме пионеров Фрунзенского района Ленинграда. Методика включала коллективное планирование, повседневную активную организаторскую работу, коллективное обсуждение и оценку ее результатов [5, с. 193]. Именно истинное детское самоуправление влияло на успешность этой методики, приводило к тем результатам, которые

воодушевляли самих ребят — фрунзенцев, восхищали их взрослых гостей. Так, художник Б. Неменский писал: «Купание ребят в летних лагерях — всегда проблема. Взрослые с трудом добиваются дисциплины. В коммуне этой проблемы не было. Какой-то курносый пацан, дежурный командир, руководил купанием парней и девушек, и они ему подчинялись (отряды в коммуне межвозрастные — от 4–5-го класса до 11-го). Подчинялись почти беспрекословно, как редко подчиняются учителям и вожатым. Пример может показаться частным. Но в этой частности проявляется отношение и к более серьезным вещам» [16, с. 20].

1960-е гг. в СССР стали временем новой романтики, стремления к свободе. В это время очень популярны образы бригантины, корабля под алыми парусами, на которых хочется уплыть вместе с пиратами и быть свободным. Стихи П. Когана часто публикуются в «Вожатом», «Комсомольской жизни», «Семье и школе», популярной становится одноименная песня, в число любимых героев подростков входят персонажи книг А. Грина.

В журнале «Вожатый», в разделе «Малая энциклопедия пионера», старинному парусному кораблю была отведена специальная статья: «Это слово попало в пионерскую энциклопедию не случайно. Бригантина — символ романтиков. Так могут назвать вожатые свои рукописные поэтические журналы, дискуссионные клубы, хоровые ансамбли, кружки» [14, с. 17].

Юное поколение 1960-х не просто мечтало о дальних странах и романтических приключениях. Стремясь проверить себя, принести при этом реальную пользу стране, не только студенты, но и учащиеся старших классов отправляются на целину. Так, название «Бригантина» получил в 1965 г. первый в истории освоения целинных земель строительный отряд старшеклассников из столичной школы № 681 и школ подмосковного Жуковского. Эмблема отряда — алый парус и синие морские волны, отрядная песня — «Бригантина», у каждой палатки было свое, «морское» имя. Ребята достойно справились со своими обязанностями, участвуя в строительстве складов, жилых помещений, школы. Помогли старшеклассники и в организации пионерского лагеря для детей целинников, став там вожатыми [13, с. 2].

В 1960-е гг. в периодической печати, литературных произведениях рассуждают о стилистике новой молодежной речи в СССР. Это была речь юных горожан, избегавших подражания блатному жаргону, заканчивавших школу или уже учившихся в вузе, споривших о «физиках и лириках», увлеченно читавших Ремарка и Хемингуэя, Аксенова и Гладилина, писавших в рубрику «Алый парус» «Комсомольской правды», отправлявшихся в поисках себя на строительство Братской ГЭС или в Казахстан. Эти юноши и девушки искренне верили в построение коммунизма и были готовы лететь на Марс. Писатель В. Алексеев в повести «Люди Флинта» (название является своеобразной отсылкой к стихотворению П. Когана) так характеризовал речь нового поколения: «Это был язык насмешливый и неправильный, абсолютно лишенный высоких слов и прописных конструкций, — язык, приводящий

в ужас родителей и в негодование учителей. “Боже, на каком жаргоне вы объясняетесь!” Но это был не жаргон, не дешевая подделка пиджонов, а великий язык застенчивого и гордого племени. Люди Флинта презирали слова-подонки, они слишком уважали себя, чтобы говорить “хиляй” и “чувак”. Но зато и слов “любовь” и “дружба” не было в этом языке: дружба не нуждалась в объяснениях, а о любви они предпочитали молчать...» [4, с. 43]. Одним из любимых видов летнего досуга новой советской молодежи стал туризм.

Во времена хрущевской оттепели стало меняться и туристическое движение. Юные туристы под впечатлением от полетов первых космонавтов рассматривали свои походы как подготовку к освоению других планет. Для того чтобы быть в состоянии пройти по пересеченной поверхности, например, Марса, надо было для начала научиться бороться с трудностями и бытовыми лишениями на родной Земле. Для «походников» из школ разрабатывали маршруты разной сложности. Начинали все с небольших коротких походов в окрестностях города, лагеря, затем задачи усложнялись. Самыми сложными считались маршруты по Кавказу, сплавы на байдарках [17, с. 38–39].

Так, учитель московской школы № 551 Ю. Айхенвальд подробно описывал опыт туристического похода учащихся по Абхазии. Педагог подчеркивал, что маршрут не был трудным: «Мы искали красоты — не картинной прибрежных курортов, обдуманной и потому чуть нарочитой, а случайной красоты, ни от кого не зависящей, никем не созданной» [3, с. 2]. Ведь тогда молодые люди противопоставляли себя старшему поколению, для которого привычнее было проводить отпуск в домах отдыха, пансионатах или санаториях. Юные же советские граждане видели в таком спокойном отдыхе черты мещанства и всячески отвергали его.

И поход подарил ребятам ту красоту, которую они искали в лесах и горах: «Эта сказка существовала миллионы лет, а мы прочли ее только сейчас». Ю. Айхенвальд вспоминал, что сказал руководитель лагеря К.Н. Волков: «Может быть, эти мальчишки и девчонки еще побывают в горах, может, и нет, но я считал своим человеческим, педагогическим, если угодно, долгом показать им все это. Надо, чтобы человек любил горы» [3, с. 2]. И педагоги, сопровождавшие подростков с рабочих окраин Москвы, не просто демонстрировали ребятам горные пространства. Школьники учились «читать их». В этом им помогали их шефы — специалисты Центрального научно-исследовательского горно-разведочного института, которые также участвовали в путешествии. И именно с геологии началась первая беседа у костра в походе.

Эти вечерние разговоры заканчивались чтением поэзии: «Конечно, стихи Тихонова или Багрицкого отлично можно прочитать и в тесной комнате, но у костра они звучат иначе...» [3, с. 2].

В поход юные туристы обязательно брали гитару. Редкий костер обходился без «Бригантины» или песни о том, что «на материк, на материк ушел последний караван». Но как замечал Ю. Айхенвальд, тайны природы и истории увлекали подростков не меньше стихов и песен. Тематика бесед у костра

перекликалась с популярными публикациями в молодежной прессе, например в рубрике «Клуб любознательных» «Комсомольской правды»: «Правда ли, что дельфины почти разумные существа? Почему между неандертальцем и кроманьонцем нет связующих звеньев эволюции? Куда девалась библиотека Ивана Грозного? Неужели император Александр I действительно ушел в монахи, как о том пишет Толстой? Кто такая княжна Тараканова?» [3, с. 2]. Педагоги признавались, что им хотелось организовать «умный отдых», «интеллигентный туризм». И многое зависело от всего коллектива наставников, людей, способных задать правильный тон в общении с ребятами. Руководители похода непринужденно разговаривали между собой, вспоминая не столь давние тогда события военных лет. Атмосфера этих бесед у костра втягивала сначала лучших, за ними — всех остальных. Ребята не отстраненно выслушивали официозные речи о преемственности поколений, а ощущали единство со старшими, теми, кто на собственном опыте «пережил целые главы школьных учебников истории» [3, с. 2].

Но постепенно в СССР начинается критика «лжеромантики» как ухода от реальности: стихи Когана объявляются неоднозначными (пираты — это «не наши люди»), а о произведениях Грина говорят, что их нельзя отнести к подлинно советской литературе.

Часть пионерских и комсомольских работников была обеспокоена «размыванием» официального, идеологически выверенного досуга, проникновением туда неформальной подростковой субкультуры: «Не надо только смешивать истинную пионерскую романтику с так называемой романтикой, когда показная увлекательность — это самоцель. Такая, с позволения сказать, романтичность выливается в костюмы каких-то “привидений”, являющихся у лагерных костров, в выборе нелепых маршрутов по нарочито неприятной местности, в рассказывании страшных историй на сон грядущий после отбоя» [8, с. 14].

Комсомольское руководство с «тревогой и озабоченностью» относилось к нестандартным, новаторским подходам к организации жизни пионерских лагерей. Признавалось, что делается это «подчас ярко и броско, не без таланта». Но эти шаги объявлялись недопустимыми, поскольку «речь идет не просто о детской организации, а об организации по сути своей коммунистической» [10, с. 25]. Особенно усилились эти консервативные тенденции к концу 1960-х гг.

Л.К. Корнешов упоминал в статье в журнале «Комсомольская жизнь» некий «большой, прекрасно оборудованный лагерь», вожатые которого по своему формулируют главное требование: «Основная педагогическая задача на смену — ласково! Ласково относиться друг к другу, ласково говорить с людьми, быть человеком». Журналист с тревогой отмечает: «Все это не так уж и безобидно. Ибо лозунг, призыв, символ отражают всегда то, ради чего создана и существует организация. И попытка их подменить, заменить немедленно влечет за собой и ревизию дел, содержания» [10, с. 25]. Любопытно, что благодаря критике случаев «вообще из ряда вон выходящих» мы можем узнать

о попытках в 1960-е гг. разнообразить школьный и лагерный досуг. Так, в той же публикации Л.К. Корнешова упоминается о том, как в одной из пионерских дружин решили ежегодно избирать «королеву дружины». Выборы проходили по всем правилам: «компетентное» жюри, кандидатки из числа «самых красивых девочек», болельщики. Встречались, по словам журналиста, и летние лагеря, где избирали «королев смен», и спортивные пионерские олимпиады, завершавшиеся выборами «мисс олимпиады». Правда, с облегчением пишет журналист, «все равно их наберется не так уж и много». Но нельзя было проявлять снисходительность. Конкурсы красоты в пионерских лагерях, по мнению комсомольских функционеров, могли нанести серьезный удар по самой идеологии воспитания в СССР. В статье подчеркивалось: «Мы не можем, не имеем права беззаботно относиться к любым проявлениям идейной расхлябанности и близорукости» [10, с. 25–26].

В 1970-е гг. в обществе сложилось двойственное отношение к досугу в летнем лагере. Взрослым всегда хочется, чтобы дети и отдыхали, и были под контролем (иначе как их потом вернуть в рамки семьи и школы).

Журнал «Семья и школа» опубликовал письмо Л. Кладова из Псковской области, который отработал несколько смен в пионерском лагере, был знаком с ситуацией и в других центрах детского отдыха. Автор письма описывает обычный образцово-показательный летний лагерь конца 1960-х – начала 1970-х гг.: благоустроенные корпуса, расположенные в прекрасном сосновом бору, на берегу озера, расчищенные дорожки, комфортабельная столовая. Однако к воде ребятам запрещалось подходить под страхом исключения. И в лес без воспитателя — ни шагу. За смену проводилось не больше двух костров (чтобы ребята не переутомлялись). Везде висели угрожающие плакаты о разносчиках заразы, простуде. Л. Кладов отмечал: «По-моему, в лагере дети должны не только прибавлять в весе. Где, как не в лагере, мальчишка может научиться быстро и ловко взбираться на дерево, ориентироваться в лесу, определять путь по звездам. В лагере дети должны научиться плавать. Почему бы ребятам не попробовать свои силы, выдержку, выносливость?» Вожатый признавал: «Конечно, если предоставить ребятам больше самостоятельности, инициативы — беспокойства у нас, воспитателей, прибавится. Так ведь в лагере вожатые, воспитатели едут работать, а не отдыхать» [9, с. 27]. Автор письма приводит в пример руководителей школ юных космонавтов, организаторов отрядов юных друзей милиции и пограничников, тех, кто не боится ответственности.

Студентка педагогического института из Николаева Н. Горяная, проработавшая летом 1975 г. три смены в пионерском лагере, подробно описывает свой опыт в письме в редакцию «Вожатого»: «Я понимаю, что “дети должны отдыхать в лагере, а не только маршировать” (как выражаются некоторые родители)» [6, с. 38]. Она вспоминает, как из-за «пресса режима» отменялись, сокращались интересные мероприятия, а вожатые, рискнувшие нарушить распорядок, получали строгий выговор.

«Режим!» Вот самое святое слово в лагере! «От режима не уйдешь», — вздыхали вожатые 1970-х гг. И высказывали критические замечания: «Но если дети в лагере будут только пить-есть, загорать, то это будет дом отдыха, а не озорная, спортивная страна Пионерия. Каково будет ребятам без спартакиад, музыкальных праздников, веселых КВН?! Раз-два в смену можно сделать исключение. И неумолимый режим, я думаю, нас простит» [6, с. 39].

Н. Горяная писала о том, что, уступив требованиям родителей, начальство лагеря лишило ребят походов, палаток, «Зарницы». Но автор оговаривалась, что самые находчивые мальчишки находили-таки «романтику». Пионерская вожатая, следуя своей педагогической роли, вынуждена называть в письме эту неформальную романтику «уродливой», противопоставляя подростковые шалости социально одобряемому поведению неких «старших ребят», которые не хулиганили, а «склонялись над книгой или рисовали отрядную газету». А «шустрые, подвижные мальчишки откручивали краны (скорее всего, не со зла, а из любопытства: посмотреть — как же в лагере останутся без воды) или просто сидели на заборе и смотрели в морскую даль: “Эх, поудить бы сейчас рыбку”». Впрочем, сама вожатая признавала, что эти озорники как раз и были заводилами всех самых интересных и увлекательных дел [6, с. 38–39].

Но чрезмерная насыщенность, перегруженность лагерной жизни мероприятиями приводила к другой проблеме. В публикации 1982 г. в «Пионерской правде» ставился вопрос: может ли подросток не участвовать в общих мероприятиях, может ли он быть просто «сам по себе» — читать книгу и размышлять о прочитанном, имеет ли он «право на уединение». Корреспондент откровенно критикует тех, кто расписывает по минутам лагерный день. Журналист В. Морозов подчеркивает: «Право поразмышлять в тиши, побыть один на одни с книгой, природой — этого отнимать у лагерных пионеров никак не годится». В. Морозов насмешливо пишет о том, как неуютно может чувствовать себя в лагере подросток, распорядок дня которого до предела загружен «отрядными мероприятиями, общелагерными, всякими». Все же попытки уединиться, выйти из-под контроля решительно пресекаются: «Тревога! — закричит испуганно громкоговоритель, который беспечно пел до того: “Улетай, туча!” — Тревога! Человек пропал!» «Так уж и пропал?» — риторически замечает автор статьи [15, с. 3].

Таким образом, повседневность летнего лагеря представляет собой соединение двух пластов коллективных ритуалов — формальных, разрабатываемых взрослыми педагогами, и неформальных, придуманных в группах детей и подростков. Идеино-символическое наполнение неформальных ритуалов может противоречить формальным действиям: с одной стороны, освобождение от контроля семьи, с другой стороны — подчинение контролю организации. Социальный порядок лагеря воспроизводится в этих двух пластах ритуалов.

В целом идея советского пионерского лагеря была такова, чтобы у детей и подростков было минимум свободного времени. Их занимали различными играми, спортивными мероприятиями, походами, купанием и прочим. Но все же существовал и некоторый разрыв в повседневной лагерной жизни.

Ребенку предоставлялась свобода в выборе проведения своего досуга, в частности творчества. Многие находили свою нишу, занимаясь самодеятельностью. Всегда можно было изменить рутинность пребывания в лагере участием в различных мероприятиях. Также особое значение в неформальной лагерной субкультуре отводилось разным шалостям, которые совершались как бы назло «системе».

Литература

1. *Абашкина Е.В.* «Линейка», «зарядка», «свечка»: воспроизводство порядка в ритуалах повседневности летнего лагеря // Вестник ВолГУ. Серия 7. Философия. Социология и социальные технологии. 2014. Вып. 1 (21). С. 94–100.
2. *Абашкина Е.В.* Советский пионерский лагерь: от послевоенного к позднесоветскому (опыт качественного исследования) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Социология. Политология», Саратов, 2013. Т. 13. № 4. С. 55–59.
3. *Айхенвальд Ю.* Человек должен любить горы // Московский комсомолец. 1965. № 139. 14 июля. С. 2.
4. *Алексеев В.* Люди Флинта // Юность. 1965. № 2. С. 39–62.
5. *Басов Н.Ф., Басова В.М., Кравченко А.Н.* История социальной педагогики: учеб. пособие для академического бакалавриата. 3-е изд. М.: Юрайт, 2018. 250 с.
6. *Горячая Н.* Режим нужен, но... // Вожатый. 1976. № 7. С. 38–39.
7. *Давайте подумаем* // Вожатый. 1959. № 5. С. 27.
8. *Зарахович И.* Паруса должны быть алыми // Вожатый. 1962. № 11. С. 10–14.
9. *Кладов Л.* Труби, горнист, поход! // Семья и школа. 1970. № 4. С. 27.
10. *Корнешов Л.* О главном направлении поиска // Комсомольская жизнь. 1968. № 5. С. 24–26.
11. *Кудряшёв А.В.* Детские шалости советских подростков на городском транспорте // Сибирский педагогический журнал. 2018. № 5. С. 39–44.
12. *Куприянов Б.В.* Адреналин детской шалости // Непрерывное образование: XXI век: Научный электронный журнал. 2017. Вып. 4 (20). URL: <http://11121.petrstu.ru/journal/article.php?id=3724> (дата обращения: 02.06.2019).
13. *Лазуткин Е.* «Бригантина» на целине // Московский комсомолец. 1965. № 149. 25 июня. С. 2.
14. *Малая энциклопедия пионера: «Б»* // Вожатый. 1965. № 4. С. 17.
15. *Морозов В.* Право на... уединение // Пионерская правда. 1982. № 51. 25 июня. С. 3.
16. *Неменский Б.* У разведчиков // Детская литература. 1966. № 4. С. 19–21.
17. *Оттепель в СССР: от стиляг до шестидесятников* // История моды. Вып. 94. М.: «Де Агостини», 2018. 47 с.
18. Ребячье лето будет радостным! Секретарь ВЦСПС Т.Н. Николаева отвечает на вопросы «Комсомольской правды» // Комсомольская правда. № 133. 7 июня. С. 1.
19. *Хотулев В.* Приговор бездушию и показухе // Семья и школа. 1964. № 10. С. 47.

Literatura

1. *Abashkina E.V.* «Linejka», «zaryadka», «svechka»: vosproizvodstvo poryadka v ritualax povsednevnosti letnego lagerya // Vestnik VolGU. Seriya 7. Filosofiya. Sociologiya i social'ny'e tehnologii. 2014. Vy'p. 1 (21). S. 94–100.

2. *Abashkina E.V.* Sovetskij pionerskij lager': ot poslevoennogo k pozdnesovetskому (opy't kachestvennogo issledovaniya) // *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya «Sociologiya. Politologiya»*, Saratov, 2013. T. 13. № 4. S. 55–59.
3. *Ajxenal'd Yu.* Chelovek dolzhen lyubit' gory' // *Moskovskij komsomolecz.* 1965. № 139. 14 iyulya. S. 2.
4. *Alekseev V.* Lyudi Flinta // *Yunost'*. 1965. № 2. S. 39–62.
5. *Basov N.F., Basova V.M., Kravchenko A.N.* Istoriya social'noj pedagogiki: ucheb. posobie dlya akademicheskogo bakalavriata. 3-e izd. M.: Yurajt, 2018. 250 s.
6. *Goryanaya N.* Rezhim nuzhen, no... // *Vozhaty'j.* 1976. № 7. S. 38–39.
7. *Davajte podumaem* // *Vozhaty'j.* 1959. № 5. S. 27.
8. *Zaraxovich I.* Parusa dolzhny' by't' aly'mi // *Vozhaty'j.* 1962. № 11. S. 10–14.
9. *Kladov L.* Trubi, gornist, pohod! // *Sem'ya i shkola.* 1970. № 4. S. 27.
10. *Korneshov L.* O glavnom napravlenii poiska // *Komsomol'skaya zhizn'*. 1968. № 5. S. 24–26.
11. *Kudryashyov A.V.* Detskie shalosti sovetskix podrostkov na gorodskom transporte // *Sibirskij pedagogicheskij zhurnal.* 2018. № 5. S. 39–44.
12. *Kupriyanov B.V.* Adrenalin detskoj shalosti // *Nepreryvnoe obrazovanie: XXI vek: Nauchny'j e'lektronny'j zhurnal.* 2017. Vy'p. 4 (20). URL: <http://11121.petrus.ru/journal/article.php?id=3724>. Data obrasheniya: 02.06.2019.
13. *Lazutkin E.* «Brigantina» na celine // *Moskovskij komsomolecz.* 1965. № 149. 25 iyunya. S. 2.
14. *Malaya e'nciklopediya pionera: «B»* // *Vozhaty'j.* 1965. № 4. S. 17.
15. *Morozov V.* Pravo na... uedinenie // *Pionerskaya pravda.* 1982. № 51. 25 iyunya. S. 3.
16. *Nemenskij B.* U razvedchikov // *Detskaya literatura.* 1966. № 4. S. 19–21.
17. *Ottepel' v SSSR: ot stilyag do shestidesyatnikov* // *Istoriya mody'*. Vy'p. 94. M.: «De Agostini», 2018. 47 s.
18. *Rebyach'e leto budet radostny'm! Sekretar' VCzSPS T.N. Nikolaeva otvechaet na voprosy' «Komsomol'skoj pravdy'»* // *Komsomol'skaya pravda.* № 133. 7 iyunya. S. 1.
19. *Xotulev V.* Prigovor bezdushiyu i pokazuxe // *Sem'ya i shkola.* 1964. № 10. S. 47.

A.V. Kudryashev

Summer Camps in the 1960s and Early 1980s: in Search of Freedom and Romance

The article analyzes the information about the regulated aspects of life of summer camp (day mode, line, walking systems) and informal children's subculture. The main source of information is publications in the Soviet children's press and periodicals of pedagogical orientation of the late 1950s-early 1980s.

Keywords: USSR; summer camps; romance; liberty; day mode; tourism, periodicals.